

Э 98
210.

801-13
1598

838019

**ПОПЫТКА ДАРВИНА ПОМИРИТЬ СВОЮ ТЕОРИЮ СЪ РЕЛИГИ-
ОЗНО-НРАВСТВЕННЫМЪ ЧУВСТВОМЪ ХРИСТИАНИНА.**

(Къ характеристикѣ англичанъ)

Ни изложенія, ни разбора теоріи знаменитаго англійскаго естествоиспытателя Чарльза Дарвина мы не имѣемъ въ виду дѣлать. Это уже не разъ сдѣлано во многихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. Мы намѣрены лишь бросить взглядъ, если не ошибаемся, на неразмѣрившую еще никѣмъ попытку этого ученаго примирить свою теорію съ высшими интересами человѣка. Сдѣлать это намъ кажется небезинтереснымъ даже въ виду современныхъ политическихъ явленій... Для большей ясности нашей замѣтки считаемъ умѣстнымъ напомнить читателю основную мысль теоріи Дарвина. Этотъ естествоиспытатель старается объяснить все развитіе міра органическаго, начиная отъ ничтожной былинки и кончая человѣкомъ, дѣйствіемъ, такъ называемаго у него, начала «борьбы за существованіе». Организмы постоянно борются между собой и въ этой борьбѣ, которая разнообразна до безконечности, незамѣтно усовершенствуются; такое совершенствованіе продолжается миллионы лѣтъ и никогда не окончится. Борьба эта, какъ борьба не на животь, а на смерть, требуетъ конечно безчисленныхъ жертвъ. Переживаютъ ее только болѣе сильные организмы, остальные гложутъ и помираютъ, не доживя вѣка. Теорія въ общемъ не чужда чувства кровожадности. Дарвинъ весьма ясно понимаетъ, что религіозныя и нравственныя симпатіи человѣка, насколько послѣдній дорожитъ своимъ достоинствомъ и своими христіанскими убѣжденіями, не могутъ относиться благопріятно къ его теоріи. Это сознаніе побуждаетъ

24797-0

его такъ или иначе, насколько это возможно, помирить читателя съ своей теоріею или по крайней мѣрѣ внушить ему не слишкомъ оскорбляться ею. Но все это тщетно и тщетно. Религіозное чувство и нравственный смыслъ не могутъ быть подкуплены голословными увѣреніями и даже сладкими словами Дарвина. Дарвинъ находитъ, что какъ ни сильно ломаетъ его теорія, сложившіяся вѣками и освященныя религіей, понятія человечества, тѣмъ же менѣе она будто имѣетъ такія качества, которыя должны заставить замолкнуть самое щекотливое чувство. Онъ находитъ, что его теорія въ своемъ родѣ не лишена величія. «Есть величіе, говоритъ онъ, въ этомъ возрѣніи, по которому жизнь съ ея разнородными силами была вдохнута первоначально въ немногія (органическія) формы или лишь въ одну,—по которому, межъ тѣмъ какъ земля продолжаетъ кружиться по вѣчному закону тяготѣнія, изъ столь простаго начала развились и доселѣ развиваются безчисленныя формы дивной красоты» (Дарвинъ, «О происхожденіи видовъ», стр. 387. Переводъ Рачинскаго 1864 года). Онъ увѣряетъ, что его теорія даже болѣе сообразна съ идеей Творца, чѣмъ всякая другая теорія. «На мой взглядъ, разсуждаетъ онъ, болѣе согласно съ тѣмъ, что намъ извѣстно о законахъ напечатлѣнныхъ Творцемъ на вещественномъ мірѣ, предположить, что возникновение и вымирание нынѣшнихъ и прежнихъ жителей земли обусловлено вторичными причинами (т.-е. съ исключеніемъ Верховной причины), подобными тѣмъ, которые обуславливаютъ рожденіе и смерть каждой особи. Когда я смотрю на всѣ живыя существа, говоритъ Дарвинъ, не какъ на отдѣльныя созданія (это библейское ученіе), но какъ на прямыхъ потомковъ вѣкоторыхъ немногихъ существъ, жившихъ задолго прежде отложенія перваго пласта Силурской системы (это одна изъ древнѣйшихъ формаций, признаваемыхъ геологіей), они кажутся мнѣ облагороженными» («О происхожденіи видовъ», стр. 386). Но едва ли кто со- гласится смотрѣть на дѣло такъ, какъ заставляетъ смо-

трѣть Дарвинъ, если ясно и отчетливо представимъ себѣ процессъ происхожденія міра органическаго по мнѣнію этого натуралиста. Гдѣ тутъ «величіе», гдѣ тутъ большая сообразность съ идеями Божества, гдѣ тутъ облагороженность твари, когда по словамъ самого Дарвина только «жизнь вѣчной борьбы, изъ голода и смерти слѣдуетъ это высокое явленіе, именно возникновеніе высшихъ формъ жизни» («О происхожденіи видовъ», стр. 387), когда для достиженія подобнаго результата «въ продолженіе долгихъ столѣтій должна была происходить борьба между разными видами деревьевъ, расщипающихъ ежегодно каждое тысячи сѣмянъ, должна была происходить война между разными насѣкомыми,—между насѣкомыми, улитками и другими животными, и хищными звѣрями и птицами» («О происхожденіи видовъ», стр. 61), когда по его словамъ ни на минуту «не должно забывать, что каждое изъ отдѣльныхъ органическихъ существъ, окружающихъ насъ купило свою жизнь борьбою въ опредѣленный періодъ своего развитія, что жестокое истребленіе неминуемо поражаетъ организмы молодые и взрослые въ теченіе каждаго поколѣнія или въ опредѣленный срокъ» («О происхожденіи видовъ», стр. 54)? Что особенно величественнаго въ подобныхъ представленіяхъ о происхожденіи существъ органическихъ на землѣ? Миръ есть бойня, вотъ основное понятіе Дарвиновой теоріи: онъ былъ бойней, бойня есть, и бойней будетъ! Дарвинова теорія есть какой-то призывъ къ безусловной кулачной расправѣ! Это ли онъ называетъ сообразностію съ идеями, напечатлѣнными Творцемъ на мірѣ вещественномъ? Интересно знать: не представляетъ ли себѣ Дарвинъ Божество въ видѣ библейскаго Молоха, которому угодно и пріятно зрѣніе кровавыхъ жертвоприношеній? Что касается въ частности до его теоріи о происхожденіи челоѣвка, то Дарвинъ хорошо понимаетъ, что она не можетъ быть принята съ одобреніемъ. «Я знаю, говоритъ онъ, что заключенія, къ которымъ приводитъ это сочиненіе «О происхожденіи чело-

вѣка», будутъ названы крайне нерелигиозными» (Дарвинъ, «Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу». Два тома; переводъ Сѣченова. 1871 г. томъ 2, стр. 441). Еще бы! И въ успокоеніе читателя старается съ одной стороны увѣрить его, что, какъ бы то ни было, происходитъ отъ животнаго лучше, чѣмъ происходитъ отъ какого-нибудь дикаря (ужь не Адамъ ли это), а съ другой стороны внушить, что вести свой родъ отъ животнаго лучше, чѣмъ происходитъ изъ пыли (персть земли). «Что касается до меня, вкрадчиво говоритъ Дарвинъ, я бы скорѣе желалъ быть потомкомъ маленькой храброй обезьянки (не такой ли, которая умѣетъ боксировать: о вкусахъ не спорить), чѣмъ быть потомкомъ дикаря, который наслаждается мученіями своихъ непріятелей» («О происхожденіи человѣка», т. 2, стр. 451). Быть можетъ авторитетъ такого естествоиспытателя, какъ Дарвинъ, и побудитъ кого-нибудь раздѣлять подобныя желанія; но конечно далеко не всѣ охотно повторяютъ эти слова Дарвина! Представимъ другой родъ утѣшеній, съ которыми Дарвинъ къ своимъ читателямъ. «Если мы не станемъ, говоритъ онъ, добровольно закрывать глазъ, то и съ теперешними нашими познаніями намъ можно будетъ приблизительно узнать нашихъ прародителей. *Стыдится изъ право нечего* (ужь должно быть многимъ стыдно за васъ, мистеръ Дарвинъ, когда вы такъ льнете къ своимъ читателямъ съ вашими убаюкиваньями)! Самый скромный организмъ все-таки несравненно выше неорганической пыли подъ нашими ногами» («Происхожденіе человѣка», т. 1, стр. 241). Но вотъ подите же! Даже люди, готовые слѣдовать по пятамъ Дарвина, не могутъ не стыдиться подобнаго родства человѣка съ низшими животными. Такъ Шлейденъ говоритъ: «какое мѣсто принадлежитъ человѣку въ огромной цѣпи существъ? Принадлежитъ ли онъ къ нимъ по своему физическому происхожденію, кто его ближайшая родня, и въ чемъ заключаются замѣчательныя

свойства, благодаря которымъ онъ сдѣлался властелиномъ всего созданія? Это чувство властелина наполняетъ человѣка гордостью; оно должно наполнять его гордостью, если и признать обезьяну его предкомъ (!). Но *эта родня есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ несогласія съ ученіемъ Дарвина*, которое съ этой точки зрѣнія, надо признаться, не легко примирить, и во всякомъ случаѣ естественныя науки сами по себѣ не въ состояніи этого сдѣлать» (Шлейденъ, «Древность рода человѣческаго» и пр., стр. 51—2. Переводъ 1865. Изд. 2-е). Извѣстный естествоиспытатель Бэръ произносить слѣдующее сужденіе вообще о теоріи Дарвина: «вся эта гипотеза о преобразованіи видовъ есть фантастическое произведеніе, не основанное ни на какомъ реальномъ наблюденіи». «И къ чему эта попытка? спрашиваетъ Бэръ. Признаемся откровенно, что естествовѣдѣніе хотя дѣлаетъ вѣроятнымъ, что не всѣ животныя появились въ одно время, но о способѣ, какимъ произошли различныя формы, нельзя сказать рѣшительно ничего. И такъ какъ наука въ этомъ отношеніи не можетъ ничего сдѣлать, то отчего мы не хотимъ оставить этой чести Творцу, первой причинѣ всякаго бытія» (Журн. «Натуралистъ», за 1865 годъ, стр. 433, 367)?—Въ настоящее время, когда взоры всѣхъ Россіянъ обращены на слеповъ коварнаго Албіона, не мѣшаетъ почаще приводить себѣ на память: какую фальшь, сколько ложнаго благочестія, сколько лицемерія, сколько напуска на чувства можно находить даже у великихъ мужей англійской націи? Что такое сейчасъ приведенныя мысли Дарвина?—Иезуитская сдѣлка съ совѣстію: Дарвинъ хочетъ и прослыть передовымъ мыслителемъ, и боится упрековъ въ атеизмъ. Отсюда его сладкія рѣчи къ читателю. Не то ли же самое видимъ теперь во всей англійской націи: хочется и барышней не упускать и честное имя сохранить.

А. Д.—овъ.

Апрѣля 7 дня.
1878 г.

(Изъ майской книжки Душеполезнаго Чтенія 1878 года).

Печатать дозволяется. Москва. Апрѣля 27 дня 1878 года.
Цензоръ протоіерей С. Уерновъ.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.